Блашков, Ю.А. П.А. Столыпин: проблемы исследовательской трансформации образа российского премьер-министра / Ю.А. Блашков // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2013. - С. 166-173.

Ю. А. Блашков

П. А. СТОЛЫПИН: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА РОССИЙСКОГО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА

В России 2012 г. прошел под знаком 150-летия со дня рождения выдающегося политического деятеля начала XX в. П. А. Столыпина. Автор статьи сосредотачивается на освещении основных направлений деятельности главы правительства Российской империи 1906—1911 гг. — борьбы председателя Совета министров с революцией и вместе с тем его поисков модернизации страны (наиболее существенным ее проявлением стала аграрная реформа). Центральное место в разработке отводится анализу оценок политики третьего российского премьер-министра исследователями. Определяется, что негативное восприятие деятельности П. А. Столыпина в советской историографии обосновывалось соответствующими подходами В. И. Ленина, господствующей в это время ленинской концепцией социально-экономического и политического развития России в конце XIX — начале XX в. В статье также выявляются истоки всплеска исследовательского интереса к особе П.А. Столыпина в период «перестройки» и в современных условиях.

The year of 2012 in Russia was marked by the 150 anniversary of the birth of the outstanding political figure of the beginning of the 20th century — P. A. Stolypin. The author of the article focuses on the basic directions of activity of the head of Government of the Russian Empire in 1906—1911 — the struggle of the President of the Council of Ministers against the revolution and his quest for modernization of the country (the most significant of its manifestation became agrarian reform). Central point of the article is the analysis of evaluation of the policy of the third Russian Prime Minister by researchers. Determined that the negative perception of the P.A. Stolypin in Soviet historiography was justified by the respective approaches of V. I. Lenin, the dominant at that time, the Leninist concept of socio-economic and political development of Russia in the late 19th and early 20th century. In the article the author also identifies the origins of the surge of research interest to the person of the P. A. Stolypin in the «perestroyka» time and in modern terms.

Ключевые слова: Россия, власть, политические силы, революция, реформы, аграрный вопрос, модернизация, исследовательские подходы.

Keywords: Russia, power, political forces, the revolution, reform, the agrarian question, modernization, research approaches.

С точки зрения исторической ретроспективы 2012 г. прошел в России под знаком двух юбилеев — 200-летия Отечественной войны 1812 г. и 150-летия со дня рождения выдающегося политического деятеля начала XX в. Петра Аркадьевича Столыпина. Борьбу с нашествием Наполеона на Россию и попытку столыпинской модернизации страны объединяет не только совпадение юбилейных дат, но и ярко проявившееся в эпоху «перестройки» и «гласности» смещение акцентов в их оценках в сравнении с, казалось бы, незыблемыми канонами советской исторической науки. Однако в подходах к этим ключевым для современной историографии проблемам просматриваются и существенные отличия.

Аспекты «грозы 12-го года» получили толчок к новому осмыслению с появлением в 1988 г. книги Н. А. Троицкого «1812. Великий год России» [19]. Эта работа способствовала переводу борьбы мнений — при всей ее остроте — в «цивилизованное русло». А вот стремительная трансформация образа председателя Совета министров Российской империи 1906—1911 гг. П. А. Столыпина — от «обер-вешателя», «приказчика» и «уполномоченного» объединенного

Блашков Юрий Андреевич — доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук.

дворянства (закрепленное в советской историографии ленинское определение) к «крупнейшему реформатору» и «спасителю русской деревни» — осуществлялась на иной основе.

Озвученная М. С. Горбачевым на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС идея о необходимости освещения «белых пятен» истории придала особую значимость исторической публицистике. С одной стороны, обращение к фальсифицированным или сознательно сокрытым фактам сделало весьма востребованными сугубо научные периодические издания (прежде всего журналы «Вопросы истории», «История СССР», «Новая и новейшая история»). С другой, историки оказались совершенно не готовы конкурировать с публицистами в оперативности подачи информации, которая будоражила умы. Одновременно в силу разных обстоятельств ряд исследователей не желали «поступиться принципами».

В этой обстановке небывалый интерес к особе П. А. Столыпина вызвала статья В. Селюнина «Истоки». Публицист констатировал: «Требование времени лучше всех выразил видный государственный деятель предреволюционной России П. Столыпин», который «при отчаянном противодействии справа и слева, отступая и лавируя... сумел провести свою программу (нового аграрного курса. — *Ю. Б.*) в жизнь» [15, с. 185]. Спустя год известный исследователь П. Н. Зырянов так охарактеризовал ситуацию, которая возникла вокруг статьи «Истоки»: «Автор сделал тогда хорошее дело, обратив внимание общественности на аграрные проблемы нашей страны в начале XX в., так до конца и не решенные и отзывающиеся в наши дни. Но тот же автор положил начало апологетике Столыпина, которая с тех пор день ото дня становится все более шумной. Писатели, публицисты, даже партийные работники пишут о Столыпине в газетах и журналах, говорят с телеэкрана и с высокой трибуны Съезда народных депутатов. Пожалуй, только историки не включились в этот хор» [4, с. 10]. Для самого же Зырянова российский премьер «был настолько неодинаков в разные периоды своей деятельности, что бывает трудно отделаться от впечатления о существовании нескольких Столыпиных, сменявших друг друга или действовавших одновременно» [6, с. 15].

Действительно, политическая деятельность П. А. Столыпина видится весьма неоднозначной. Согласимся с К. Ф. Шацилло, что «нелепо представлять Столыпина просто кровавым монстром» (введение 19 августа 1906 г. системы военно-полевых судов), но и «рыцарем в белых перчатках он тоже не был» (совершение государственного переворота 3 июня 1907 г.) [22, с. 15—16] Вместе с тем даже при излишней идеализации его образа в перестроечной и современной научной и научно-популярной литературе очевидный отказ от неадекватной интерпретации советскими авторами его политической линии, безусловно, является положительным моментом. В оправдание же нескольких поколений советских историков можно сказать, что они находились в жестких рамках ленинской концепции развития Российской империи в конце XIX — начале XX в. и его оценки деятельности П. А. Столыпина.

Своеобразие проблеме придает тот факт, что речь идет об отношении к третьему российскому премьер-министру будущего первого главы советского правительства.

После выхода царского манифеста 17 октября 1905 г., даровавшего населению России демократические свободы и предоставившего Государственной думе законодательные права, самодержавию пришлось «уравновешивать» манифест укреплением своих властных структур. В частности, 19 октября 1905 г. созданный еще в 1857 г., но крайне редко собиравшийся Совет министров был преобразован в постоянно действующее правительственное учреждение, схожее по своей организации с кабинетами министров в конституционных государствах. Он должен был обеспечить слаженное функционирование всех центральных звеньев бюрократической машины, координируя действия «главных начальников ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления». Глава подобного правительства по сути получал премьерские полномочия. Первым председателем Совета министров стал С. Ю. Витте. Однако после совершенно неожиданных для властей итогов выборов в I Думу (она оказалась леволиберальной) он в апреле 1906 г. был отправлен в

отставку, а заменил его И. Л. Горемыкин. Для этого бюрократа старого закала, ретроград и рутинера, который получил от своих подчиненных прозвище «Ваше безразличие», премьерство в сложнейших для страны условиях оказалось явно не по силам. 8 июля 1906 г. (под роспуск I Государственной думы) председателем Совета министров Российской империи был утвержден П. А. Столыпин, который в горемыкинском кабинете занимал пост министра внутренних дел, а до этого являлся саратовским губернатором.

Стремительная политическая карьера малоизвестного 44-летнего политика стала полным откровением для российского общества. Сразу было подмечено его полное соответствие уровню деятеля государственного масштаба. Член ЦК Конституционно-демократической партии России А. В. Тыркова-Вильямс так описывала свои впечатления о первых думских выступлениях П. А. Столыпина: «Высокий, статный, с красивым, мужественным лицом, это был барин по осанке и по манерам и интонациям. Говорил он ясно и горячо. Дума сразу насторожилась. Первый раз из министерской ложи на думскую трибуну поднялся министр, который не уступал в умении выражать свои мысли думским ораторам... На этот раз правительство выдвинуло человека сильного и даровитого. С ним придется считаться» [19, с 17].

Советское правительство — Совет народных комиссаров — было сформировано в ходе Октябрьской революции на II съезде Советов 26 октября 1917 г. Первым его председателем стал В. И. Ленин. Для советских историков он являл собой образ непревзойденного теоретика, труды которого были методологической основой изучения истории России. Подчеркивалось, что лидером большевиков был сделан всесторонний анализ империализма, а «коренная экономическая черта, *суть* империализма» заключалась в смене свободной конкуренции монополией [7, с. 163], ставшей главным тормозом развития капитализма [12, с. 314]. Согласно ленинской теории, вызвав в экономической жизни тенденции к застою и загниванию, монополии породили в политике поворот от демократии к реакции [11, с. 93]. Поэтому империализм есть умирающий капитализм с невиданным ранее обострением всех противоречий, что и должно обречь его на гибель [8, с. 420—424]. Теоретик и лидер большевизма пришел к выводу, что экономическая отсталость России была относительной отсталостью уже почти империалистической страны. Поэтому Октябрьская революция 1917 г. стала закономерным результатом развития противоречий [21, с. 6—7].

Естественно, советский премьер не мог не противостоять царскому политику, который так выразил свои принципы: «Неуклонная приверженность к русским историческим началам в противовес беспочвенному социализму» [18, с. 108]. В ленинской же концепции российского империализма второй части формулы П. А. Столыпина «сначала успокоение, а потом реформы» места просто не нашлось. По определению В. И. Ленина, «пуришкеевщина (В. М. Пуришкевич — один из лидеров крайне правых. — *Ю. Б.*), подновленная... новой аграрной политикой, новой системой представительных учреждений, продолжала давить все и вся, тормозя развитие» [9, с. 321]. Неудивительно, что в советской историографии устоялся тезис о поражении революции 1905—1907 гг., а последующий период развития России (1907—1910) обозначался не иначе, как «полоса черной столыпинской реакции» [21, с. 207, 211].

После первой русской революции решающее значение для определения стратегии большевиков приобрели пути развития третьеиюньской политической системы и нового аграрного строя России. Оценка деятельности П. А. Столыпина содержалась в работе В. И. Ленина «Столыпин и революция», которая стала реакцией на закончившееся смертельным исходом покушение 1 сентября 1911 г. Ленин определил позицию по отношению к произошедшей трагедии: «Умерщвление обер-вешателя Столыпина совпало с тем моментом, когда целый ряд признаков стал свидетельствовать об окончании первой полосы в истории русской контрреволюции» [13, с. 324]. Далее делался вывод, что «биография главы контрреволюционного правительства есть в то же время биография того класса, который проделал нашу контрреволюцию и у которого Столыпин был не более, как уполномоченным или приказчиком. Этот

класс — русское благородное дворянство» [13, с. 324—325]. В этой жесткой характеристике выделялись два факта из политической биографии премьера: введение в августе 1906 г. системы военно-полевых судов и взятый в ноябре 1906 г. курс на проведение аграрной реформы.

П. А. Столыпин же следующим образом видел проблему революционных потрясений в России: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину: залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления... Это было бы и роковою ошибкою — там, где правительство побеждало революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физическою силою, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ» [2, с. 114].

Однако свою премьерскую деятельность ему пришлось начинать с принятия жестких мер по «успокоению» страны, которую захлестнула волна насилия и экстремизма. Ярким примером стал организованный эсерами-максималистами 12 августа 1906 г. взрыв государственной дачи Столыпина на Аптекарском острове. Кроме двух террористов погибли 25 невинных людей, пришедших со своими проблемами на прием к главе правительства, а еще 32 человека были ранены (в их числе — 3-летний сын и 14-летняя дочь премьер-министра). Ответом властей стало создание 19 августа 1906 г. в рамках чрезвычайного законодательства (по 87-й статье новой редакции «Основных государственных законов») системы военно-полевых судов. Их открытие допускалось в местностях, объявленных на военном положении или положении чрезвычайной охраны с целью ускорения судопроизводства по делам о военных и гражданских лицах, обвиняемых в совершении тяжких преступлений (убийство, разбой, грабеж) в тех случаях, когда за очевидностью злодеяния не было необходимости в дополнительном расследовании. Каждый военно-полевой суд состоял из пяти строевых офицеров, назначаемых начальником гарнизона. Обвинительный акт заменялся приказом о предании суду. Заседания военно-полевых судов были закрытыми, приговор выносился не позднее чем через двое суток и при утверждении командующим соответствующего военного округа в течение 24 часов приводился в исполнение [16, с. 425].

Предваряя использование жестких средств в противостоянии силам, стремящимся «дезорганизовать государство», П. А. Столыпин в выступлении 8 июня 1906 г. перед депутатами I Государственной думы заявил: «обязанность правительства — святая обязанность ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ» [18, с. 41]. 13 марта 1907 г. он вынужден был уже констатировать, что «вся Дума ждет от правительства ответа прямого и ясного на вопрос: как правительство относится к продолжению действия в стране закона о военно-полевых судах?» [18, с. 73]. Столыпин так обосновал их введение: «Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы для того, чтобы оградить себя от распада. Это было, это есть, это будет всегда и неизменно. Этот принцип в природе человека, он в природе самого государства... Бывают... роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества» [18, с. 74—75]. Вместе с тем он признавал, что военно-полевые суды — временная мера, и выразил уверенность, что Россия «сумеет отличить кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей» [18, с. 77].

В 1906—1907 гг. из 87 губерний, объявленных на положении военного времени, военно-полевые суды были введены в 82. За восемь месяцев действий «скорострельной юстиции» было казнено 1102 человека (к другим наказаниям приговорены 145 человек). Отношение к таким мерам самих представителей власти было неоднозначным. Командующий Казанским военным округом генерал И. А. Карасс не утвердил ни одного смертного приговора. Он говорил, что не хочет на старости лет пятнать себя кровью. Однако подобные сентенции были

редкими и даже имели место случаи вынесения ошибочных смертных приговоров [5, с. 35]. «Положение о военно-полевых судах» утратило свою силу 20 апреля 1907 г., спустя два месяца после созыва II Государственной думы, так как оно не было внесено на ее рассмотрение.

Программа реформ, предложенных кабинетом П. А. Столыпина, была изложена 24 августа 1906 г. в «Правительственном вестнике» и в выступлении премьера 6 марта 1907 г. в Думе. Предполагалось достижение действительной свободы вероисповедания, а также обеспечение гражданского равноправия в смысле устранения ограничений в отношении отдельных групп населения (прежде всего крестьян и инородцев). Обозначалась проблема неприкосновенности личности. П. А. Столыпин отмечал: «Отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как пока писаный закон не определит обязанностей и оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть будут прочно установлены» [18, с. 51]. Первостепенное значение придавалось улучшению крестьянского землевладения посредством свободного перехода от его общинной формы к подворной, осуществлению государственной поддержки в освоении безземельными и малоземельными крестьянами пустующих удобных земель на востоке и юге страны, проведению мелиоративных работ на неудобных землях. Реформирование местного управления должно было обеспечить установление связи между губернской и уездной администрацией и органами земского самоуправления. Земская структура пополнялась мелкой, волостной, единицей. Предполагалось введение земства в Прибалтике, Северо-Западном и Юго-Западном краях, образование земского и городского самоуправления в царстве Польском. Реформа местного судопроизводства предусматривала передачу судебной власти в руки мировых судей, избираемых населением. В социальной сфере планировалось улучшение быта рабочих, введение их государственного страхования на случай болезни, увечий, инвалидности и старости. Ставилась задача достижения общедоступности и впоследствии обязательности начального образования. Реформирование финансовой сферы имело целью «облегчение налогового бремени народных масс и введение подоходного налога». Допускалась возможность слияния общей и гражданской полиции, сведения в одном законе всех видов чрезвычайной государственной охраны [18, с. 50—64].

Умеренно-либеральная газета М. А. Суворина «Новое время» в публикации 6 сентября 1911 г. «Столыпин и Государственная дума» подчеркивала: «Реформы и порядок. Таковы два мотива, проходящие через все думские речи Столыпина. Реформы, может быть, не очень казовые, но зато прочные. Реформы, на которых трудно снискать себе быструю популярность, которые представляют собой “продолжительную черную работу” (определение собственно их инициатора. — *Ю. Б.*), но без которых невозможно создание истинно свободной России» [14, с. 30]. Предложенное Столыпиным реформирование страны без разрушения «до основания» государственных основ негативно воспринималось его политическими оппонентами. «Противникам государственности, — отмечал премьер-министр в думском выступлении 10 мая 1907 г., — хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» [18, с. 96].

Центральным пунктом программы реформ стал вопрос о земле, представлявшей главную ценность для большинства населения Российской империи. Премьер-министр специально исследовал популярную в это время среди крестьян и радикальных общественных сил идею «черного передела». В частности, на IV (объединительном) съезде РСДРП в апреле 1906 г. аграрная программа большевиков стала предусматривать полную конфискацию всех помещичьих, государственных, удельных, церковных, монастырских земель и их национализацию, когда государство превращалось бы в крупнейшего земельного монополиста. Тем самым В.И. Ленин не поддержал (по причине несоответствия социалистическим ценностям) выдвинутого съездами Всероссийского крестьянского союза летом — осенью 1905 г. требования передачи всей земли «в общую собственность народа» — тем, кто ее обрабатывает, и

возложения распределительных функций на крестьянскую общину. Свое видение проведения «черного передела» имели меньшевики (программа муниципализации земли), а также эсеры (наиболее совпадающая с земельными чаяниями крестьян идея социализации).

В знаковой думской речи 10 мая 1907 г. П. А. Столыпин пришел к выводу о несостоятельности таких подходов хотя бы по статистическим соображениям: «если бы не только частновладельческую, но даже всю землю без малейшего исключения, даже землю, находящуюся в настоящее время под городами, отдать в распоряжение крестьян, владеющих ныне надельною землею, то в то время, как в Вологодской губернии пришлось бы всего вместе с имеющимися ныне по 147 десятин на двор, в Олонецкой по 185 дес., в Архангельской даже по 1309 дес., в 14 губерниях недостало бы и по 15, а в Полтавской пришлось бы лишь по 9, а в Подольской всего по 8 десятин. Это объясняется крайне неравномерным распределением по губерниям не только казенных и удельных земель, но и частновладельческих» [18, с. 88].

Уже в условиях перестроечного интереса к столыпинской модернизации России В. С. Дякин так определил основы аграрного курса властей: «Объективно говоря, у большей части крестьян было достаточно земли. Прусский, а тем более японский крестьянин, имея столько земли, сколько имел российский бедняк, считался бы богачом. Поэтому, абстрагируясь от российской действительности, правы были те защитники помещичьего землевладения, которые твердили, что никакого малоземелья нет и незачем увеличивать площадь крестьянского землевладения, а надо улучшать способы ведения хозяйства» [3, с. 16].

Однако при четком осознании необходимости перехода от архаичного общинного землепользования (чересполосица, принудительный севооборот, круговая порука, земельные переделы) к частной собственности на землю П. А. Столыпину пришлось обращаться и к проблеме относительного малоземелья российского крестьянства. Он отмечал, что «признание национализации земли... поведет к такому социальному повороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений, какого еще не видела история» [18, с. 87]. По его мнению, в данном случае государство «перешагнет через разорение целого, как бы там ни говорили, многочисленного образованного класса землевладельцев», но «с уничтожением которого уничтожены были бы... и очаги культуры» [18, с. 87, 95]. Под ними подразумевались 130 тыс. перестроившихся в условиях капитализма помещиков и «чумазых ленд-лордов», скупивших земли разорившихся «дворянских гнезд». Столыпин предлагал сформировать посредством Крестьянского банка земельный фонд с последующей передачей земли на льготных условиях нуждающимся. Для ликвидации земельного голода предполагалась организация массового переселения крестьянства за Урал, на мало освоенные земли Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. «Таким образом, — обобщал свои рассуждения П. А. Столыпин, — вышло бы, что все государство, все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются. В этом участвовали бы все плательщики государственных повинностей, чиновники, купцы, лица свободных профессий, те же крестьяне и те же помещики» [18, с. 95].

Определяя сущность реализуемого по указу от 9 ноября 1906 г. аграрного курса, Столыпин отмечал: «цель у правительства вполне определенна, правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков... в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность... будет крепкая, пусть будет наследственная» [18, с. 93—94].

Делая ставку в решении аграрного вопроса «на крепких и сильных», каких «в России большинство», т. е. на середняков, П. А. Столыпин пытался реализовать идею создания многочисленного слоя крупных, средних и мелких фермерских хозяйств и тем самым решить и

экономические, и политические проблемы. Переход от общинного к подворному землевладению должен был способствовать интенсификации сельского хозяйства. Вместе с тем частная собственность обязана была породить у самого многочисленного сословия желание стабильности и устойчивости государства. «Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым больным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков. Я думаю, что все русские люди, жаждущие успокоения своей страны, желают скорейшего разрешения того вопроса, который, несомненно, хотя бы отчасти питает смуту», — утверждал Столыпин [18, с. 86].

Подобное состояние страны выбивало опору из-под ног такой политической силы, как РСДРП (б), лидер которой видел в крестьянстве союзника пролетариата в буржуазно-демократической, а в его беднейшей части — участника и будущей социалистической революции. Именно поэтому В. И. Ленин и отказывался видеть в действиях П. А. Столыпина проявление государственных интересов, усматривая в них своеобразное угодничество перед возглавляемым гр. А. А. Бобринским «Советом объединенного дворянства» — политической организацией, ставившей целью защиту сословных интересов. Оценивая П. А. Столыпина как политического деятеля, В. И. Ленин писал, что тот умел прикрывать свои действия «лоском и фразой, порой и жестами, подделанными под “европейские”» [13, с. 327]. Современные авторы также подмечают, что выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете — «источник сложный и не всегда надежный» [5, с. 125]. Однако при этом отмечается, что при их анализе нельзя не заметить того, «что через наслоения расхожих в то время истин, явной порой демагогии и произвольного толкования фактов пробиваются и искренние чувства к родине, и действительная озабоченность ее судьбой» [5, с. 125].

В оценке деятельности П. А. Столыпина ленинский политический прагматизм просто зашкаливал, достигая уровня беспринципной «нечаевщины». Интересную информацию для размышлений дают материалы «Дат жизни и деятельности В. И. Ленина», сопровождающие его Полное собрание сочинений. В частности, в 20-м томе обнаруживаем говорящую о многом запись за 12 сентября: «Ленин в письме к Г. Л. Шкловскому сообщает о предстоящем чтении реферата в Цюрихе на тему “Столыпин и революция”» [1, с. 574]. Пометка 13 сентября: «Ленин в Цюрихе читает реферат на тему “Столыпин и революция”» [1, с. 574]. 15 сентября в письме М. И. Ульяновой Ленин сообщал «о своей поездке по Швейцарии с рефератом “Столыпин и революция”» [1, с. 574]. Если сопоставить эти данные с последствиями киевской трагедии 1 сентября 1911 г. (П. А. Столыпин скончался 5 сентября, похороны состоялись 9 сентября), то ясно, что В. И. Ленин просто проигнорировал общечеловеческий принцип «о мертвых или хорошо, или ничего». И это отнюдь не было для него каким-то исключительным эпизодом. В работе «О демонстрации по поводу смерти Муромцева» он обозначил подходы к подобной проблеме: «Фарисеи буржуазии любят наречие de mortuis aut bene aut nihil (о мертвых либо молчать, либо говорить хорошее). Пролетариату нужна *правда* и о живых политических деятелях, и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть» [10, с. 8—9].

Следует отметить, что ленинское видение «правды» в политическом курсе П. А. Столыпина выступало резким диссонансом среди бесчисленных откликов на его гибель, полных горя и скорби, тревог за будущее России и высокой оценки его деятельности. Один из первых российских марксистов П. Б. Струве в статье «Преступление и жертва» писал: «Быть убитым — это судьба, которая может постигнуть каждого крупного государственного деятеля в любой момент и в любой политической обстановке... Как бы ни относиться к аграрной политике Столыпина — можно ее принимать как величайшее зло, можно ее благословлять как благодетельную хирургическую операцию, — этой политикой он совершил огромный сдвиг в русской жизни. И — сдвиг поистине революционный и по существу, и формально. Ибо не

может быть никакого сомнения, что с аграрной реформой, ликвидировавшей общину, по значению в *экономическом* развитии России в один ряд могут быть поставлены лишь освобождение крестьян и проведение железных дорог» [17, с. 362].

П. Н. Зырянов, прочувствовав сущность перестроечных подходов к деятельности реформатора, предупреждал: «В наши дни Столыпин возвращается к нам. Восстанавливается справедливость и вместе с тем растет тревога. Мы докажем свою приверженность мифологическому мышлению и по-прежнему будем страдать инфантильностью, если воздвигнем новых кумиров на месте прежних... Мы поступим разумно, если примем Столыпина таким, каким он был — со всем плохим и хорошим...» [5, с. 125]. Вполне справедливо, что в современной науке преобладают сдержанно-критические оценки столыпинской аграрной реформы. Сомнительно связывать только с ней имевшие место в начале XX в. заметные успехи российского аграрного сектора и определенные признаки повышения благосостояния крестьянской массы [2, с. 123]. Вместе с тем весьма отрадно, что в оценках деятельности Петра Аркадьевича Столыпина уже исключен возврат к ленинским крайностям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Даты жизни и деятельности В. И. Ленина (ноябрь 1910 — ноябрь 1911) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1973. Т. 20. С. 561—577.

2. *Дякин В. С.* Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. 1990. № 12. С. 113—124.

3. *Дякин В. С.* Последний шанс // Знание — сила. 1991. № 2. С. 14—19.

4. *Зырянов П. Н.* О Столыпине и не только о нем // Неделя. 1989. № 38. С. 10.

5. *Зырянов П. Н.* Петр Столыпин: политический портрет. М. : Высшая школа, 1992. 159 с.

6. *Зырянов П. Н.* Столыпиных было несколько... // Литературная газета. 1989. 12 июля.

7. *Ленин В. И.* Империализм и раскол социализма // Полное собрание сочинений (ПСС): в 55 т. М. : Политиздат, 1967—1975. Т. 30. 1973. С. 163—179.

8. *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма // ПСС. Т. 27. С. 299—425.

9. *Ленин В. И.* Итоги выборов // ПСС. Т. 22. С. 319—344.

10. *Ленин В. И.* О демонстрации по поводу смерти Муромцева (заметка) // ПСС. Т. 20. С. 4—9.

11. *Ленин В. И.* О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // ПСС. Т. 30. С. 77—130.

12. *Ленин В. И.* Социализм и война // ПСС. Т. 26. С. 309—350.

13. *Ленин В. И.* Столыпин и революция // ПСС. Т. 20. С. 324—333.

14. П. А. Столыпин и Государственная дума // *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 гг. М. : Молодая гвардия, 1991. С. 27—32.

15. *Селюнин В.* Истоки // Новый мир. 1988. № 5. С. 162—189.

16. *Синельников М. А.* Военно-полевые суды // Отечественная история: в 5 т. / В. А. Янина (гл. ред.) [и др.]. М. : Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 425.

17. Спаситель русской деревни? (П. А. Столыпин) // История России в портретах: в 2 т. Смоленск : Русич ; Брянск : Курсив, 1996. Т. 1. С. 344—363.

18. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 гг. М. : Молодая гвардия, 1991. 411 с.

19. Судьба российского крестьянства. М. : Рос. гос. гум. ун-т, 1995. 624 с.

20. *Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. М. : Мысль, 1988. 348 с.

21. *Черменский Е. Д.* История СССР. Период империализма. М. : Просвещение, 1974. 446 с.

22. *Шацилло К. Ф.* Предисловие // *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 гг. М. : Молодая гвардия, 1991. С. 5—17.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2012 г.